

Профсоюзная дискуссия и внутрипартийная борьба в РКП(б) в 1919–1921 гг.

Сергей Войтиков

**The discussion on labor unions and the conflicts in Bolshevik party,
1919–1921**

Serguey Voitikov (Central state archive of Moscow city, Russia)

Дискуссия о профсоюзах, по справедливому замечанию С.А. Павлюченкова, «несмотря на весь размах и гласность... до сих пор остаётся наиболее загадочным и непонятым явлением первых лет советской власти», и хотя о ней немало написано, так и осталась не ясна «сама механика, подоплёка спора, ввергнувшего партию в тяжёлый кризис»¹. В полной мере раскрыть её не удалось и самому Павлюченкову: впервые поставив вопрос о месте и роли в дискуссии Оргбюро и Секретариата ЦК РКП(б), а также их фактического руководителя – секретаря и члена ЦК Н.Н. Крестинского, историк слишком сузил хронологические рамки конфликта (в соответствии со сложившейся историографической традицией датировал его начало концом 1920 г.) и не придал значения принципиальным расхождениям его участников. Между тем такие непримиримые враги, как Г.Е. Зиновьев и Н.И. Бухарин, говоря в 1925 г. о партийных дискуссиях, признавали, что «очень часто мы (большевики. – С.В.) дискутируем по этикеткам, по значкам, по символам, которые фигурируют в печати, в то время, как мы дискутируем, по существу дела, по другим вопросам»². Помня об этом, при рассмотрении истории внутрипартийной борьбы в 1917–1930 гг. необходимо учитывать и разногласия по поводу тактических задач партии, существовавшие между различными группировками и их теоретиками, и взаимодействие политических институтов, и связанную с ним борьбу вождей за лидерство.

Серьёзные разногласия по поводу места профсоюзов в советской политической системе и их взаимодействия с партией наметились в руководящем ядре РКП(б) ещё в конце 1918 – начале 1919 г. Группа «радикалов-новаторов»,

© 2016 г. С.С. Войтиков

¹ Павлюченков С.А. Орден меча. М., 2008. С. 37–38. См. также: Киселёв А.Ф. Профсоюзы и Советское государство: (Дискуссии 1917–1920 гг.). М., 1991; Олех Г.Л. Поворот, которого не было. Новосибирск, 1992; Ходаков Г.В. Дискуссия в РКП(б) о профсоюзах (1920–1922 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1992; Горелов О.И. Цугцванг Михаила Томского. М., 2000; Носач В.И. Профсоюзы России: Драматические уроки. 1917–1921 гг. СПб., 2001; он же. Профессиональные союзы России (1905–1930). СПб., 2001; Санду Т.А. «Рабочая оппозиция» в РКП(б) (1919–1923 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2006; Горинов М.М. Евгений Преображенский, большевик из поповичей. М., 2014. О более ранних работах подробнее см.: Филатов А.Н. Партийное руководство профсоюзами СССР в 20-е – начале 30-х гг. (Историография проблемы). Казань, 1989.

² XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925 г. Стенографический отчёт. М.; Л., 1926. С. 133.

включавшая в основном хозяйственных руководителей (заместитель наркома труда, член Президиума Высшего совета народного хозяйства и председатель правления Всероссийского текстильного синдиката В.П. Ногин, заведующий отделом социального страхования и охраны труда Наркомата труда В.А. Радус-Зенькович и др.), стремясь к ликвидации многочисленных трений, предлагала как можно скорее «растворить» профсоюзы в органах государственной власти, введя членов Всероссийского центрального совета профессиональных союзов в Совет народных комиссаров, а местных и производственных союзов – в соответствующие отделы советов и ВСНХ. «Центристы» (Бухарин, председатель ВСНХ А.И. Рыков, Н.А. Милютин и др.), напротив, считали целесообразным «опрофсоюзить» государство: не только сохранить профсоюзы, но и передать им полностью или частично функции государственных учреждений. Собственно «профессионалисты» (председатель ВЦСПС М.П. Томский, секретарь сначала Петроградского губернского совета профсоюзов, а затем – ВЦСПС В.В. Шмидт и др.) высказывались за сохранение самостоятельности профсоюзов на протяжении всего переходного периода. Объединяло все эти группы лишь осознание глубочайшего кризиса профсоюзного движения и необходимости решительных мер для его прекращения. Ни одна из них не смогла никому ничего доказать, но, по словам В.И. Носача, «левые радикалы, выступившие с крайне безответственных позиций, постепенно достигали своих целей, преодолевая слабое сопротивление правых»³.

В марте 1919 г. VIII съезд РКП(б) предписал партийным структурам «завоевать решающее влияние и полное руководство во всех организациях трудящихся»⁴. Это, казалось бы, подразумевало подчинение ВЦСПС и отраслевых профсоюзов, обеспечивавших связь большевистской партии с пролетариатом, очередное сокращение внутрипартийной демократии и ослабление позиций профсоюзных лидеров. Однако в принятой тогда же новой Программе партии в разделе «В области экономической» прямо указывалось, что «участие профессиональных союзов в ведении хозяйства и привлечение ими к этому широких масс является... главным средством борьбы с бюрократизацией экономического аппарата советской власти и даёт возможность поставить действительно народный контроль над результатами производства» (п. 4). «Будучи уже, согласно законов Советской республики и установившейся практики, участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью, – говорилось далее, – профсоюзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством как единым хозяйственным целым» (п. 5)⁵. Но в чём бы тогда заключалась деятельность Совнаркома и ВСНХ? Как признавал впоследствии старый большевик Д.Б. Рязанов, имевший огромный опыт борьбы с анархо-синдикализмом, «мы в Программе осяятили то, к чему теоретически не подготовлялись», пообещав предоставить профсоюзам полномочия «в той области, которая им не свойственна»⁶. Так или иначе, вопрос об огосударствлении профсоюзов оказался программным, а несогласо-

³ Носач В.И. Профсоюзы России... С. 94–96. Полемику о судьбе профессионального движения, развернувшуюся в печати в конце 1918 – начале 1919 г., Носач признал «первой открытой дискуссией о профсоюзах».

⁴ Цит. по: История Коммунистической партии Советского Союза / Отв. ред. А.Б. Безбородов. М., 2014. С. 158.

⁵ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959. С. 403.

⁶ Девятый съезд РКП(б). Март–апрель 1920 г. Протоколы. М., 1960. С. 227, 229.

ванность отдельных пунктов Программы РКП(б) 1919 г. стала теоретической предпосылкой для нового этапа Профсоюзной дискуссии. Как заявил 30 декабря 1920 г. А.Г. Шляпников, «суть спора – будем ли мы осуществлять коммунизм через рабочих или через их головы руками советских чиновников»⁷.

К этому времени в самом порядке формирования государственных органов был заложен механизм сращивания с профсоюзами, которые на всём протяжении Гражданской войны осуществляли разнообразные властные функции: участвовали в создании на местах органов военного управления, занимались вербовкой добровольцев, а затем и мобилизацией рабочих в Красную армию, разворачивали агитационно-организаторскую деятельность на фабриках и в районах, боролись с неграмотностью, налаживали систему производственно-технического и профессионального обучения, устраивали клубы, библиотеки, читальни и т.д.⁸ Между тем к началу 1920 г., когда мировая революция перестала восприниматься как событие ближайших недель или месяцев, превратившись в задачу, требующую многолетней подготовки, внутрисполитическая нестабильность в Советской России создавала условия для недовольства и в кругу видных большевиков, и среди революционных рабочих, ничего не получивших от участия в уже подходившей к концу Гражданской войне.

В РКП(б), помимо двух, имевшихся уже к весне 1919 г. группировок – «ленинцев», готовых при любых обстоятельствах поддержать курс Совнаркома и его председателя, и «децистов» (группы демократического централизма, сложившейся вокруг Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и ратовавшей за расширение внутривластной демократии, что соответствовало интересам второго и третьего эшелона партийной верхушки) – возникла Рабочая оппозиция, представлявшая собой конгломерат недовольных полным отстранением от власти основной массы большевиков. Их интересы отстаивали Шляпников, руководивший некогда Русским бюро ЦК, а теперь занимавший пост председателя Союза металлистов, и другие видные члены партии. В программной брошюре, написанной А.М. Коллонтай, утверждалось, что эта группа «родилась... из недр широких рабочих низов, зарождающаяся и пускающая сразу глубокие корни во всех концах Советской России, куда слух об оппозиции ещё не успел долететь»⁹. В 1922 г., когда его сторонники уже подвергались преследованиям, Шляпников предупреждал товарищей по партии с трибуны XI съезда РКП(б): «Мы встретимся с вами в рядах рабочего класса»¹⁰. «Сейчас сомнения, которые терзают нас, терзают сотни тысяч рабочих членов партии, – полагал он. – Если о них *мало говорят на трибунах, то очень много говорят в партуре* (здесь и далее выделено мной. – С.В.). Это известно нам по целому ряду губерний, по всем нашим собраниям. Я... организовывал провокацию членов партий на разговоры, потому что жутко... иметь перед собой молчаливую, по-видимому, со всем согласную коммунистическую аудиторию, но которая очень много думает и очень много говорит, но *говорит не с нами и не с этой трибуны*»¹¹.

⁷ Цит. по: Коллонтай А.М. Рабочая оппозиция // Левые коммунисты в России. 1918–1930 гг. М., 2008. С. 182.

⁸ Подробнее см.: Носач В.И. Профсоюзы России... С. 90–119; Иванова Г.М. Профсоюзы: независимость или огосударствление? // Формирование административно-командной системы в 20–30-е годы. М., 1992. С. 95–115.

⁹ Коллонтай А.М. Указ. соч. С. 167.

¹⁰ Одиннадцатый съезд РКП(б). Март–апрель 1922 г. М., 1936. С. 193–194.

¹¹ Там же.

Неопределённость положения профсоюзов в условиях эскалации экономического кризиса не могла не способствовать спорам о перспективах их деятельности. Второй этап Профсоюзной дискуссии начался после того, как Зиновьев, выступая 9 сентября 1919 г. в Петроградском дворце труда с развёрнутым докладом «Партия и профессиональные союзы», вновь заговорил о необходимости огосударствления профсоюзов, доказывая, что это является для марксиста непреложной истиной. Отвечая ему, противник огосударствления профсоюзов, Шляпников опубликовал тезисы «К вопросу о взаимоотношениях РКП, Советов и производственных союзов». В них утверждалось, что партия и советы должны заниматься исключительно политикой, передав профсоюзам управление экономикой. Эти идеи получили серьёзную поддержку в профсоюзах и их руководящих органах.

Пытаясь снять напряжение, пленум ЦК РКП(б) 26 сентября 1919 г. поручил Зиновьеву и Бухарину составить тезисы о задачах партии в профессиональном движении. В конце декабря ЦК обратился с циркулярным письмом «К партийным товарищам», в котором отмечалось, что профсоюзы имеют первостепенное значение для подготовки масс к «коммунистической жизни» и поэтому партии важно укреплять в них своё влияние. Партийным органам предписывалось воздержаться от «перетряхивания ответственных профсоюзных работников без предварительного обсуждения с фракциями центральных профессиональных объединений» и не выносить окончательных решений по вопросам охраны труда без совета с коммунистическими фракциями профсоюзов. При этом особо отмечалось, что большевикам не следует смотреть на своих товарищей, работавших в профсоюзах, как на партийцев второго сорта¹². Однако курс на умиротворение с треском провалился.

В конце 1919 г. Коммунистическая фракция ВЦСПС и Оргбюро ЦК РКП(б) разошлись во взглядах на порядок мобилизации коммунистов, работавших в профсоюзах, и о директивах фракции ВЦСПС нижестоящим фракциям профсоюзов и межсоюзных объединений¹³. «Между партией и значительной частью товарищей [из профсоюзов] наметились... разногласия, — говорил позднее Крестинский. — Наши профессиональные союзы были обескровлены военными, партийными и другими мобилизациями. В них поэтому начали проявляться тенденции цеховые, тред-юнионистские; появилось противопоставление союзов советам и нашей партии; даже у многих рядовых товарищей-коммунистов появилась известная психология урвать что-нибудь у партии для профессиональных союзов, — провести свою профессиональную линию. С этим надо было вести решительную борьбу»¹⁴.

22 декабря на утверждение Оргбюро поступил проект «Положения о фракции РКП при ВЦСПС», составленный её членами. В нём указывалось: «§ 1. Руководящей партийной организацией всего российского профессионального движения является фракция РКП при ВЦСПС, работа которой протекает под непосредственным контролем и руководством ЦК партии. § 2. Своей задачей фракция при ВЦСПС ставит расширение и укрепление влияния партии путём объединения и вовлечения широких масс рабочих в Коммунистическую партию. § 3. В целях координации действий всероссийских производственных объединений и наиболее успешного и организованного проведения единой линии

¹² Носач В.И. Профсоюзы России... С. 120–121; Киселёв А.Ф. Указ. соч. С. 162.

¹³ Девятый съезд РКП(б). Протоколы. С. 591.

¹⁴ Там же. С. 81–82.

Коммунистической партии в профессиональном движении все существующие и вновь возникающие фракции производственных всероссийских объединений непосредственно подчиняются фракции при ВЦСПС»¹⁵.

Казалось бы, этот проект создавал предпосылки для подчинения профсоюзов партии и её ЦК, у которого в условиях войны не было возможности даже всерьёз «ознакомиться», как выразился старый большевик Ю.Х. Лутовинов, с реалиями профессионального движения. Однако в действительности в нём отражались желания рабочих лидеров из партийцев и намечалось превращение Коммунистической фракции ВЦСПС в инструмент давления на ЦК. Подобный проект мог появиться только в условиях напряжённейшей обстановки Гражданской войны и организационной слабости Секретариата ЦК, при которой допускалась относительная автономия и в то же время непрочность местного партийного аппарата (даже столичных райкомов, отвечавших за руководство профессиональными союзами в Москве). Крестинский, по словам Лутовинова, «обнаружил, читая... между строк, преступные замыслы профессионалистов, если не уничтожить ЦК, то по меньшей мере отождествить ВЦСПС с ЦК РКП»¹⁶. Действительно, согласно проекту, возникали две «ветви» партийной власти (например, в столице: ЦК – МК – РК РКП(б) Москвы и ЦК – фракция ВЦСПС – фракции профсоюзов и межсоюзных объединений). Мнительный от природы, склонный, как и большинство свердловских уральцев, к шпиономании и обострению ситуации, Крестинский, с весны 1919 г. являвшийся одним из руководителей Секретариата и старательно перераспределявший руководящие кадры при помощи «ссылок» на места, опасался создания структуры, которая могла начать действовать параллельно фактически возглавляемому им аппарату ЦК. Это грозило разрушить едва сформировавшуюся систему партийных органов, и без того ещё далёкую от совершенства¹⁷.

Началась полемика, и, естественно, очень быстро вопрос был передан в Политбюро ЦК РКП(б), на заседании которого, по свидетельству Лутовинова, В.И. Ульянов (Ленин), не желавший ослаблять партию очередной дискуссией, и Л.Д. Троцкий, который пока не сформулировал свою позицию, но уже чувствовал возможность стать в этом столкновении третьим радующимся, убедили Крестинского и Каменева в том, что в проекте ВЦСПС отсутствовал и «намёк на... ужасные замыслы профессионалистов»¹⁸. Ленин не потерпел бы выделения профсоюзов в независимую от партии политическую структуру, однако в их усилении он видел определённую выгоду. Оргбюро, созданное на пленуме ЦК РКП(б) 16 января 1919 г., стало непосредственным преемником Бюро ЦК РКП(б), представлявшего собой, в соответствии с действовавшей тогда редакцией Устава, сокращённый состав ЦК. Несмотря на создание на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б), которым руководил Ленин, Оргбюро, заседавшее без него, не отказалось от решения важных вопросов. Более того, по ленинскому признанию, «главной настоящей задачей Организационного бюро было распределение партийных сил, а задачей Политического

¹⁵ Там же. С. 55, 592.

¹⁶ Там же. С. 55.

¹⁷ Мнение Крестинского, хотя с ним и не согласился Ленин, позднее прочно закрепилось в советской историографии. Так, редакторы стенографических отчётов IX съезда РКП(б) указали в 1960 г. в комментарии: «В третьем параграфе проекта говорилось, все существующие и вновь возникающие фракции производственных всероссийских объединений непосредственно подчиняются фракции ВЦСПС и получают все директивы только от фракции ВЦСПС» (Там же. С. 591).

¹⁸ Там же. С. 55.

бюро — политические вопросы. Само собою понятно, что это разделение до известной степени искусственно, понятно, что *никакой политики нельзя про-извести, не выражая её в назначении и перемещении*¹⁹. Таким образом, Оргбюро не просто представляло собой альтернативный Политбюро центр власти в партии, оно было органом более привычным, нежели Политбюро, а потому определённое усиление фракции ВЦСПС, автоматически ограничивавшее права Оргбюро, могло быть на руку Ленину. К тому же, имея склонность к теоретическим построениям, вождь находил известную логику в некоем рудименте независимости ВЦСПС — не от партии в целом, но от её центрального аппарата. Другая причина нехарактерной для Ленина мягкости была точно сформулирована 1 апреля 1920 г. Томским: «Нельзя огосударствливать те органы, в которых 3¹/₂ млн членов, тогда как партия насчитывает ¹/₂ млн, и прав т. Ленин, когда он говорит, что мы тогда огосударствим профсоюзы, когда в них будет 2 млн коммунистов. До этого они должны пройти ту предварительную стадию, которую они выполняют»²⁰.

Однако Крестинский самозабвенной борьбой с потенциальной угрозой вызвал заметное раздражение профсоюзного руководства. Тем временем член Президиума ВЦСПС Ю. Ларин развивал мысль о том, что профсоюзы и их объединение — ВЦСПС — должны в итоге «заменить Совнарком», а Шляпников настаивал на передаче им всех прав и функций в сфере производства и экономических отношений²¹. Баталии лишь оживились, «когда ВЦСПС назначил Всероссийский съезд профессиональных союзов», а ЦК, по словам Г.Н. Мельничанского, предложил профсоюзный «съезд отложить до “после съезда”»²². При этом, хотя Шляпников и его единомышленники опирались на новую Программу РКП(б), единства среди них не было, и это расширяло возможности их противников.

В условиях создания и развёртывания деятельности трудовых армий глава военного ведомства Троцкий сделал первый шаг к сближению с Лениным. 17 февраля 1920 г. из Екатеринбурга он направил в Совет рабочей и крестьянской обороны, возглавляемый председателем Совнаркома, телеграмму: «Считаю необходимым объявление уральских угольных копей на военном положении. Челябинских из трёх с половиной тысяч выходит на работу менее двух тысяч. Интенсивность труда ничтожная. На других коях приблизительно то же. В этом вопросе *придётся преодолеть сопротивление местных, да и центральных, тред-юнионистов*. Когда вопрос будет подготовлен и агитационно, и организационно, обращусь в Сов[ет] обороны за формальной санкцией». Троцкий прекрасно понимал, что милитаризация труда станет вызовом для профсоюзных лидеров. Зондаж удался: Ленин, который не мог не оценить подчёркнутую лояльность Троцкого, не забывшего на этот раз заверить своего старшего товарища, что без формального одобрения он ничего предпринимать не будет, тут же продиктовал ответ: «Есть все основания думать, что вопрос получит положительное разрешение. Представьте проект»²³.

Как и ожидал Троцкий, 18 февраля на заседании Совета обороны против его предложений, поддержанных Лениным, Ю. Ломовым, А.И. Свидерским и

¹⁹ Там же. С. 13.

²⁰ Там же. С. 248.

²¹ Там же. С. 212.

²² Центральный государственный архив города Москвы (далее — ЦГА Москвы), ф. П-2, оп. 1, д. 83, л. 23.

²³ РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 12887, л. 1.

Л.Б. Красиным, резко выступил Томский²⁴. Протест председателя ВЦСПС был убедительно обоснован. «Ваше предложение о введении военного положения в уральской горной промышленности мне кажется неправильной информацией о действительном состоянии угольного производства Урала, – телеграфировал он «предреввоенсовету Троцкому». – Падение подушной добычи и массовый невыход на работу объясняется (по докладу только что прибывшего и обследовавшего угольный район т. Ионова) следующими причинами: 1) недостаток продовольствия [на участке] Егоршино – Кизиль; 2) тиф [на участке] Егоршино – Кизиль – Челябинск; 3) полное отсутствие врачей [на участке] Челябинск – Егоршино при недостатке медикаментов и медицинского персонала для всех копей; 4) отсутствие прозодежды, изношенность механизма для всех, что ведёт [к] большому количеству рук, занятых не на непосредственной добыче угля, а на вспомогательных работах, как-то: водолив, крепление и т.д. – при общем чрезвычайном недостатке технического персонала. Введение военного положения с соответствующим изменением производственного режима поведёт к бегству работников с мест, между тем, устранение указанных ненормальностей, безусловно, приведёт к неуклонному росту добычи. Прошу проверить указанное через компетентных в производстве и условиях жизни шахтёров лиц и срочно телеграфировать Сов[ету] обороны. Член Совобороны М. Томский»²⁵.

В ответной телеграмме Троцкий начал с прямой подтасовки: «Я не предлагал вводить военное положение на урал[ьских] коях, я предупреждал, что, по-видимому, придётся это сделать тотчас (в чём состояла разница, понимал, видимо, только Троцкий. – С.В.). Сведения Томского целиком построены на тред-юнионистском подкрашивании фактов. Челябинские копи были обследованы несколькими инженерами и партийными товарищами при участии Пятакова (в середине 1920-х гг. – одного из ближайших сторонников Троцкого. – С.В.). Сов[ет 1-й] труд[овой] арм[ии] решил направить на копи полномочную тройку в составе Пятакова, Тетерина, профсоюза углекопов с привлечением Спизарного. Предложение о введении военного положения будет сделано, если понадобится, только на основании материалов этой комиссии со всех копей». Не ограничиваясь филиппиками, в этой же телеграмме Троцкий предлагал назначить Г.Л. Пятакова заместителем председателя Совета 1-й трудовой армии. Ленин предложение поддержал и провёл соответствующее постановление Политбюро («за» проголосовали Крестинский и Каменев)²⁶.

26 февраля из Оргбюро и ЦК РКП(б) спор был официально перенесён на IX съезд РКП(б). В составленных от имени ЦК тезисах «К организациям РКП по вопросу о порядке дня партийного съезда» осуждались противники централизации управления промышленностью и прямо заявлялось: «РКП ни в коем случае не может согласиться с тем, что партии, якобы, должно принадлежать только политическое руководство, а профессиональным союзам – экономическое руководство. Это – отрывка взглядов II... Интернационала»²⁷. 15 марта 1920 г. на объединённом заседании коммунистических фракций ВЦСПС и МСПС, состоявшемся при участии ряда членов ЦК (в том числе Ленина, Бухарина и Е.Д. Стасовой), после голосования о коллегиальности и единоначалии Крестинский как секретарь и член ЦК в полемическом запале страшил членов

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, д. 12900, л. 1.

²⁶ Там же, д. 12908, л. 1.

²⁷ Девятый съезд РКП(б). Протоколы. С. 494.

бюро фракции Н.П. Глебова-Авилова, Лутовинова и Томского возможностью раскола. Как писали «по поручению фракции» в ЦК Лутовинов и Томский, он будто бы заявил: поскольку «позиция, занятая фракцией и её ответственными руководителями, резко разошлась с позицией ЦК, от имени ЦК предлагаю вам и всем членам фракции ВЦСПС не выступать с докладами на профессиональных съездах в защиту коллегиального управления, вам предоставляется право защищать свою точку зрения только на фракциях данных съездов»²⁸.

Коммунистическая фракция ВЦСПС, которая и так с трудом переносила диктат Крестинского, настроившего против профсоюзного руководства часть членов ЦК, естественно, желала знать, кому же, по мнению ЦК, следует «выступать на съездах по вопросам о задачах профсоюзов». Крестинский указал на Бухарина, после чего фракции ВЦСПС и МСПС провели закрытое заседание. Хотя оно и не стенографировалось, очевидно, что усиление прессинга со стороны партаппарата вызвало у профсоюзного руководства откровенную злобу.

Объединённая фракция заявила «свой решительный протест против подобных толкований и методов проведения партийной дисциплины по следующим основаниям: а) фракция считает, что тезисы т. Троцкого приняты как тезисы официального докладчика ЦК на съезде партии, но отнюдь не как обязательное и беспелляционное решение ЦК для немедленного проведения в жизнь; б) тот факт, что вопрос о задачах профсоюзов вообще и о единоличии (вероятно, единоначалии. — С.В.) и коллегиальности в частности является основным дискуссионным вопросом всех партийных собраний, подтверждает, что данный вопрос находится в процессе товарищеских дискуссий, а следовательно, не может быть окончательным решением ЦК; в) так как, согласно заявлению т. Крестинского, нас не лишают права выступать на фракциях съездов, а мы полагаем (очевидно, и того же мнения т. Крестинский), что решения фракции разойдутся с мнением ЦК и лишение фракций съезда права высказать своё мнение через пленум, при данных условиях, внесёт дезорганизацию в ряды работников и подорвёт престиж ЦК; г) мы считаем, что когда вопрос находится в процессе дискуссии, давить на общее мнение членов партии официальными решениями профессиональных съездов, противными их действительному мнению, в то время как мнени[я] фракции съездов как нелегальные не подлежат оглашению), не являются методами товарищеской дискуссии; д) фракция считает ненормальным явлением заявление секретаря ЦК без предварительного решения этого вопроса в ЦК партии. Если Политбюро ЦК имело уже решение по этому вопросу, представители ЦК должны были официально заявить свою волю перед всей фракцией; е) фракция считает бестактностью и нервозностью со стороны секретаря ЦК т. Крестинского его откровенные угрозы расколом партии, к чему поводов со стороны фракции мы не находим. Отстаивая своё право свободно выражать своё мнение по вопросам, стоящим в порядке дня партийного съезда, желая отстаивать своё мнение в разных условиях, фракция немедленно подчинится всякому официальному решению ЦК, скреплённому подписями ответственных лиц, оставляя за собой право протестовать лишь перед съездом партии»²⁹. Именно к такому приёму прибегал, кстати, и сам Ленин, когда расходился во взглядах с большинством ЦК собственной партии.

С точки зрения большевистской традиции, предложения фракции были уместны и вполне оправданы, не могло вызвать нареканий и общее заключение

²⁸ РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 13312, л. 1.

²⁹ Там же, л. 1–1 об.

записки: «Ввиду того, что в настоящее время имеется два съезда и почти каждый день открывается новый съезд профсоюзов, фракция просит ЦК в экстренном порядке рассмотреть данный вопрос во всей его широте в присутствии представителей фракции и выявить своё отношение по существу заявления т. Крестинского»³⁰.

Ленин получил этот текст 17 марта³¹, и в тот же день состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б), где присутствовали Бухарин, Крестинский, Лутовинов и Томский. После того как собравшиеся заслушали «Заявление фракции ВЦСПС относительно права коммунистов, членов ВЦСПС[,] проводить на происходящих съездах профсоюзов резолюцию фракции ВЦСПС по вопросу об управлении промышленными предприятиями, расходящуюся с тезисами ЦК РКП», Ленин провёл две резолюции, которые сам же составил³². Судя по помете на второй из них, он пытался представить случившееся как личный «конфликт фракции ВЦСПС и Крестинского»³³, на которого и обрушился с упрёками. Будучи переобременён многочисленными партийными и государственными обязанностями и устав от ненужной ему полемики, вождь явно остался недоволен тем, что его отвлекали от важных дел, и, похоже, почувствовал возможность возникновения реальной профсоюзной угрозы в обозримом будущем.

В проекте первой резолюции говорилось: «Политбюро, в составе Бухарина, Крестинского и Ленина, обсудило 17/III—1920 [г.] заявление фракции ВЦСПС (об МСПС при этом не упоминалось. — *С.В.*), подписанное тт. Томским и Лутовиновым, установило в их присутствии, что: 1) т. Крестинский в частных разговорах с тт. Ищенко, Глебовым, Томским и Лутовиновым выдавал свои опасения насчёт неловкости создавшихся отношений (а именно: проведения членами партии на беспартийных съездах, — а не на коммунистических фракциях их, — резолюций, расходящихся с резолюцией ЦК партии) за состоявшееся решение ЦК; 2) что т. Крестинский предложил не ставить этого вопроса на обсуждение фракции до предстоящего через день обсуждения в Политбюро при участии представителей бюро фракции; 3) что при разговорах т. Крестинский допускал некоторую горячность; с другой стороны, что при таких условиях было в высокой степени неуместно и неизбежно должно было обострить без всякой надобности конфликт или, вернее, превратить разногласие между ЦК и фракцией в настоящий конфликт; что упомянутое выше заявление является в глазах всякого партийного человека не только горячностью, но весьма дурно пахнущей склокой. Поэтому Политбюро постановило предложить товарищам, входящим в бюро фракции ВЦСПС, провести через фракцию аннулирование (отмену) её решения и признание всего инцидента исчерпанным»³⁴. Уязвлённый Крестинский, подписывая документ вместе с Лениным и Бухариным, сделал всё же оговорку: «Так как вопрос касается меня: воздерживаюсь»³⁵. Характерно, что осуждалась позиция Крестинского, но не Оргбюро, и фракции ВЦСПС, но не Томского и Лутовинова.

Вместе с тем, не желая ни уступать руководству ВЦСПС, ни прямо запрещать дискуссию, Политбюро, обсудив вопрос «о ненормальности того, что

³⁰ Там же.

³¹ Об этом свидетельствует его собственноручная помета (Там же).

³² РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 66, л. 1–2.

³³ Ленин В.И. ПСС. Т. 40. М., 1977. С. 396.

³⁴ Там же. С. 226–227.

³⁵ Там же. С. 395.

члены партии на беспартийных съездах проводят резолюции, противоречащие резолюциям ЦК партии», без каких-либо возражений констатировало, «что с точки зрения партийной дисциплины это явление безусловно неправильное и недопустимое». Однако, как отмечалось в постановлении, «совершенно исключительные обстоятельства данного случая (именно — чрезвычайная близость партсъезда, опубликование тезисов т. Томского и сравнительная маловажность оставшегося ещё спорным в партии вопроса о коллегиальности с допущением единоличия в отдельных случаях и наоборот) заставляют признать политически меньшим злом разрешение членам фракции ВЦСПС выступать на текущих съездах отдельных профсоюзов (впредь до решения партсъезда) с резолюцией фракции ВЦСПС»³⁶. Так или иначе, членов Политбюро больше всего беспокоило отстаивание фракцией ВЦСПС своих взглядов, расходящихся с мнением Оргбюро и Секретариата. ЦК РКП(б), согласно Уставу, был высшим партийным органом в перерывах между съездами, поэтому и Крестинский, и Ленин формально были правы, однако в создавшейся ситуации приходилось выбирать между строгим следованием букве Устава и традицией, признававшей за революционерами (даже в ленинской «партии нового типа») право на отстаивание собственных убеждений.

Почти перед самым началом съезда Ленин, скорее всего прекрасно помнивший про февральский зондаж председателя Реввоенсовета Республики, направил его на «в высшей степени трудную и ответственную работу» (по выражению самого Троцкого), поручив возглавить и организовать Главное политическое управление Наркомата путей сообщения (Главполитпуть) — «исключительный» по своему положению партийный комитет, созданный 17 февраля 1920 г. во главе с членом коллегии НКПС для «развития политического и классового самосознания ж.-д. пролетариата и руководства всей политической (партийной) работой среди ж.-д. рабочих и служащих»³⁷. Предполагалось, что Главполитпуть «руководит всей политико-просветительной работой (агитация, пропаганда, организация политически-просветительных учреждений, литературно-издательская деятельность), ведёт учёт, мобилизует и распределяет всех политических работников, организует политический контроль над всею работой ж.-д. аппарата»³⁸. 20 марта на заседании Политбюро в присутствии Ленина, Бухарина, Крестинского, Троцкого, Л.Б. Красина, Ю.Х. Лутовинова и А.П. Розенгольца было принято решение «ввиду отъезда Красина» провести через Совнарком и Президиум ВЦИК назначение Троцкого «временно исполняющим обязанности наркома путей сообщения»³⁹. Одновременно предлагалось начать постепенное слияние Центрального управления военных сообщений, входившего в состав органов РККА, с НКПС. При этом следовало «проводить на железных дорогах политику привлечения специалистов и введения твёрдой военной дисциплины», «всячески привлекать коммунистические ячейки железнодорожников к участию в работе по восстановлению транспорта», а «в проведении этой политики стараться опираться на Всепрофсоюз, вливая в него новые коммунистические силы, усиливая таким путём его пролетарско-коммунистическую часть и апеллируя к массам железнодорожников против тех элементов Всепрофсоюза и его руководящих органов, которые проникнуты

³⁶ Там же. С. 227.

³⁷ Девятый съезд РКП(б). Протоколы. С. 208.

³⁸ Известия ЦК РКП(б). 1920. 2 марта. № 13. См. также: РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 25523, л. 1.

³⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 67, л. 1.

тред-юнионизмом и мешают превращению Всепрофсожа в такой боевой пролетарский орган»⁴⁰. Ленин ловко нашёл и область для применения способностей Троцкого, и полигон для милитаризации профсоюзов.

На IX съезде 31 марта 1920 г. Ленин, по словам Бухарина, «очень картинно изобразил всю ту механику, которая у нас есть», а именно — «целый ряд последовательных форм»: «Коммунистическая партия, советская власть, профсоюзы и беспартийная широкая масса. Наша партия, если брать по числу организованных лиц — ... самая маленькая из числа перечисленных организаций, но в то же время... самая передовая часть, и сама машина вертится постольку, поскольку есть зубчики, которые соединяют одну организацию с другой. Если правильно налажены зубчики между партией и советской властью, между советской властью и профсоюзами и, наконец, между профсоюзами и широкой беспартийной массой, то колесо этой машины — наша партия — приводит в движение громаднейшую машину, широчайшую группу рабочего класса, и распространяет своё влияние на широчайшие слои крестьянства... Наша партия оформляет своё влияние через фракцию профсоюзов, и в каждом профсоюзе, в каждой местной организации, в каждой ячейке должна быть коммунистическая фракция, которая является проводником общих партийных директив по всей линии профорганизации. *Если эта фракция представляет [собой] проводник влияния нашей партии, то она не может быть чем-то большим, самодовлеющим, она может быть только ячейкой местной организации, созданием нашей партии...* Следовательно, здесь в отношении всех организаций... должна быть строжайшая партийная дисциплина: фракция на местах подчиняется местному комитету, фракция ВЦСПС целиком подчиняется ЦК нашей партии»⁴¹. Рязанов, обычно в силу особенностей характера, примыкавший к той или иной оппозиции, в данном случае под аплодисменты съезда полностью поддержал подобный подход, заявив: «Примат, первенство, принадлежит, во всяком случае, коммунистической партии, которая одинаково объединяет и профсоюзы, объединяет и связывает советские организации»⁴².

Вместе с тем Томский настаивал, что участников съезда «нельзя делить на профессионалистов и непрофессионалистов» (или «на профессионалистов и партийцев», по выражению К.Б. Радека). По ироничному замечанию председателя ВЦСПС, среди делегатов «что ни голова, то свой план огосударствления» профсоюзов⁴³. Томский укорял руководителей Политбюро, Совнаркома, ВСНХ, НКПС и военного ведомства за весьма своеобразную «любовь» к профсоюзам: «Тов. Ленин так их любит, что от любви трясёт их, и у них голова болтается, т. Троцкий обнимает за шею так, что глаза вылезают, т. Рыков чуть не выдавил кишки»⁴⁴. Председатель Московского губернского совета профсоюзов А. Лозовский, признавая, что профсоюзы обязаны повиноваться партии, не скрывал сомнений в необходимости подчинять их государственному аппарату (под руководством ленинского правительства!) — явлению «преходящему, меняющемуся в зависимости от исторических условий»⁴⁵.

⁴⁰ Там же, л. 1–2.

⁴¹ Девятый съезд РКП(б). Протоколы. С. 222–223.

⁴² Там же. С. 236.

⁴³ Там же. С. 236, 247.

⁴⁴ Там же. С. 163.

⁴⁵ Там же. С. 249.

Ленину в очередной раз приходилось отстаивать свою руководящую роль и проведение собственного курса. Позиция Троцкого была, как всегда, двусмысленной. Он поддерживал Ленина, поскольку победа оппозиции могла лишить политического веса обоих. К тому же ему приходилось учитывать исторически сложившиеся конфликтные взаимоотношения военного ведомства и профсоюзов, а также ту линию поведения, которую диктовало руководство Главполитпутём. Но Троцкий не был бы Троцким, если бы не попытался извлечь дополнительную выгоду из сложившейся ситуации. Председатель РВСР высказался за милитаризацию народнохозяйственного механизма и перестройку его работы по армейскому образцу. «В военной области, – рассуждал он, – имеется соответствующий аппарат, который пускается в действие для принуждения солдат к исполнению своих обязанностей. Это должно быть в том или другом виде и в области трудовой. Безусловно, если мы серьёзно говорим о плановом хозяйстве, которое охватывается из центра единством замысла, когда рабочая сила распределяется в соответствии с хозяйственным планом на данной стадии развития, рабочая масса не может быть бродячей Русью. Она должна быть *перемещиваема, назначаемая, командирована* точно так же, как солдаты»⁴⁶.

И если задачу «перемещения» военных решал РВСР, а большевиков – Секретариат ЦК, то для беспартийных рабочих её выполнение естественно было предоставить ВЦСПС. Троцкий даже сделал ни к чему не обязывавшее его заявление, что в дальнейшем «передовые рабочие», заменив военное ведомство, «через профессиональные союзы... могут милитаризовать огромные крестьянские массы, привлекаемые к труду на основании трудовой повинности»⁴⁷. Это могло создать предпосылки для сближения между возглавляемыми им военными структурами и профсоюзным аппаратом, что серьёзно ограничило бы возможности Совнаркома в управлении экономикой. Со своей стороны и Томский, по свидетельству Ю. Ломова, готов был «блокироваться с т. Троцким по вопросу относительно назначения специалистов на ответственные посты, и путем согласия ВСНХ с соответствующими органами ВЦСПС»⁴⁸.

Троцкий ссылаясь на уже имеющийся опыт: «Трудовые армии есть организации для применения воинских сил на месте, по заказу хозяйственных органов. На деле оказалось, что везде, где создались трудовые армии, немедленно вокруг них кристаллизировался областной хозяйственный центр»⁴⁹. Соответственно предлагалось заменить местные советско-хозяйственные органы аппаратом управления трудовыми армиями и, по примеру Урала, создать областные комитеты по трудовой повинности, которые могли бы «производить мобилизацию трудовых сил и перебрасывать их из одного района в другой»⁵⁰. Естественно, это сопровождалось заверениями, что «как часть не может быть больше целого, так и хозяйственная агентура не может иметь прав больше центра, т.е. отношение этой агентуры целиком должно определяться постановлением последнего съезда советов»⁵¹.

Против подобной реформы выступил председатель Московского губернского исполкома децист Т.В. Сапронов. «Сов[ет] труд[овой] армии, – напоминал

⁴⁶ Там же. С. 93.

⁴⁷ Там же. С. 94.

⁴⁸ Там же. С. 172.

⁴⁹ Там же. С. 106.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

он, — не есть хозяйственный орган, а орган военный. Это есть не милитаризация, а военизация промышленности»⁵². «У нас сплошь и рядом милитаризация связывается с военизацией, — сетовал децист В.М. Смирнов, — с механическим перенесением методов военной практики в практику промышленности»⁵³. К противникам Троцкого присоединился и побывавший на Урале Е.А. Преображенский, заявивший: «Я самым безусловным образом возражаю против создания областных совнархозов, подобных уральскому, который проводится в настоящий момент Советом трудовой армии. Беда в том, что [этот Совет] постепенно превращается в хозяйственный орган и постепенно, но неизбежно берёт на себя полномочия и в других областях»⁵⁴. Таким образом, в 1920 г. при обсуждении хозяйственного строительства на IX съезде произошёл своего рода рецидив дискуссии по военному вопросу, развернувшейся в 1919 г. на VIII съезде. Оставалось только обвинить Троцкого в бонапартизме. Тем более что после создания Главполитпути центральный аппарат управления РККА стал использовать мобилизацию на транспорт в своих интересах⁵⁵.

Ленин, судя по его предложению на четвёртом пленарном заседании⁵⁶, пытался снять напряжённость, допустив в ЦК и децистов, и Рабочую оппозицию. В условиях, когда у всё более многочисленного ЦК оставалось всё меньше реальной власти, такой шаг позволял сделать Оргбюро (в заседаниях которого могли принять участие все находившиеся в Москве члены ЦК) ещё более широкой, а потому менее дееспособной, коллегией, максимально сосредоточить руководство партией в Политбюро, создать иллюзию готовности к компромиссу и затем вместе с децистами бить Рабочую оппозицию и сообща с Рабочей оппозицией — децистов. А самому в перерывах между баталиями спокойно работать в Совнарком.

Между тем Троцкий, подыгрывая руководству ВЦСПС, предложил съезду ввести в ЦК РКП(б) «товарищей, связанных с отдельными профсоюзами или отдельными течениями этих союзов»⁵⁷. И здесь таилась опасность настоящего, а не надуманного раскола в большевистском ЦК: если три группировки, две из которых имели бы по одному представителю, создавали возможность для политических комбинаций, то две группировки при наличии нескольких оппо-

⁵² Там же. С. 141.

⁵³ Там же. С. 176.

⁵⁴ Там же. С. 149.

⁵⁵ 14 марта 1920 г. секретарь Московского губернского комитета РКП(б) И.И. Минков сообщал на XVII Московской губернской конференции РКП(б): «Губернский военный комиссариат проводил точку зрения губернского исполнительного комитета относительно слияния комиссии по борьбе с дезертирством, причём уездные комиссии должны быть подчинены губернскому военному комиссариату, подчинённому в свою очередь Всероссийскому главному штабу. Этот вопрос был принят на пленарном заседании губернского комитета. В центре такая постановка не понравилась, и заведующий отделением этой комиссии по борьбе с дезертирством счёл целесообразным воздействовать на губернский комитет. Мне и т. Полидорову было заявлено, что так или иначе они примут меры по отношению к тем, кто не подчиняется вышестоящим отделам нарком[ат]ов. Товарищи, работающие в Военном комиссариате, под предлогом необходимости их как ответственных работников на транспорте [Всероссийским] центральным исполнительным комитетом были отозваны. По прибытии в реввоенсовет армии я получил соответствующее разъяснение: “Формально вы отзывались в Главполитпуть, но на самом деле вы отозваны по настоянию т. Данилова”» (ЦГА Москвы, ф. П-2, оп. 1, д. 83, л. 63 об.). Таким образом, не только Троцкий, но и военный комиссар Всероссийского главного штаба мог пользоваться транспортной мобилизацией для достижения своих целей.

⁵⁶ Девятый съезд РКП(б). Протоколы. С. 154.

⁵⁷ Там же. С. 201.

зиционеров-профсоюзников и их блокировании с Троцким и его сторонниками в ЦК, могли расколоть высшее руководство РКП(б).

Ленин не решался ослабить позиции Троцкого в условиях, когда казалось, что Антанта и её союзники, включая Польшу, могут «навязать» Советской России войну «каждый день». В результате съезд принял решения, от которых одинаково выигрывали и проигрывали и Ленин, и Троцкий. Создание трудовых армий с сохранением армейского аппарата было признано оправданным лишь постольку, поскольку существовала необходимость поддерживать численность войск для решения военных задач. Учитывая, что от идеи мировой революции большевики не отказывались, это вполне устраивало Троцкого: временный характер «многомиллионной» Красной армии (которая, впрочем, на деле «многомиллионной» была только по данным снабженцев) мог оказаться бесконечно долгим. При этом военную подготовку трудящиеся должны были получать с наименьшим отвлечением от производства, для чего предписывалось ввести территориально-милиционную систему строительства вооружённых сил: в каждом экономическом районе планировалось создать воинские части, в которых на краткосрочных сборах обучались бы местные рабочие и крестьяне. Но делать это следовало постепенно, «при неперемennom условии, чтобы обороноспособность... во всякий момент оставалась на должной высоте»⁵⁸.

Впрочем, оставляя огромную массу людей под ружьём, съезд наметил обновление командного состава дивизий: недавно окончившие курсы в округах должны были размыться среди красных командиров тот слой бывших офицеров и молодых партийцев, который составлял социальную опору Троцкого. Кроме того, в армии, как и на всех участках хозяйственного строительства, было решено создать ядро коммунистов-руководителей, знавших производство и способных использовать партийные кадры с максимальной отдачей⁵⁹. Это вело к усилению контроля партийного аппарата над военным, а также могло обернуться столкновением Крестинского, возглавлявшего Секретариат, с Троцким.

В целом же IX съезд РКП(б) никакой ясности в вопрос о власти не внёс: оппозиция оказалась недостаточно сильной, чтобы настоять на своём, но и не проиграла окончательно. В резолюции «По вопросу о профессиональных союзах и их организации» отмечалось, что, участвуя в работе государственных органов, профсоюзы всё больше превращаются «в основную базу советских хозяйственных аппаратов». Вместе с тем указывалось: «Лишь в той мере, в какой профессиональные союзы, оставаясь формально непартийными, становятся коммунистическими по существу и проводят политику Коммунистической партии, лишь в этой мере обеспечена диктатура пролетариата и строительства социализма». И «поэтому в каждом союзе должна существовать дисциплинированная, организованная фракция коммунистов», причём «каждая партийная фракция является частью местной организации, подчинённой партийному комитету, а фракция ВЦСПС подчинена ЦК РКП»⁶⁰. Таким образом, аппарат РКП(б) на местах мог руководить профсоюзами через коммунистические фракции, что обеспечивало власть партии. Однако Коммунистическая фракция ВЦСПС подчинялась не Секретариату, а непосредственно ЦК, что стало важным достижением профсоюзных лидеров. Крестинского такое положение явно не устраивало. Но, не будучи сильным организатором, он не смог вос-

⁵⁸ Гражданская война в СССР: Т. 2. М., 1986. С. 247–248.

⁵⁹ Там же. С. 248–249.

⁶⁰ Девятый съезд РКП(б). Протоколы. С. 419.

пользоваться имевшимися у него аппаратными возможностями «расставлять и переставлять» большевистские кадры. Между тем управлять профсоюзами становилось сложнее: если весной 1920 г. в них состояло 3.5 млн, то к весне 1921 г. — уже 6 млн человек.

Дискуссия о профсоюзах на IX съезде в чём-то напоминала военную дискуссию на VIII съезде. В 1919 г. речь шла о накидывании «узды» на Троцкого и высшее руководство РККА, в 1920 г. — о том, чтобы, по словам Каменева, «взять на дыбы промышленность»⁶¹, ВЦСПС и персонально Томского, Лутовинова, И.И. Юренева (К.К. Кротовского), который, уйдя из Всероссийского бюро военных комиссаров, вернулся к партийному руководству пролетариатом на местах, и др. Троцкий, объявив профсоюзы таким же аппаратом милитаризации рабочих, каким для крестьян являлось военное ведомство, заложил серьёзный теоретический фундамент для объединения двух политических сил.

Вожди не хотели делиться властью, их устраивало только собственное лидерство. Угроза со стороны радикалов, которые, лишившись своего покровителя в ЦК (Свердлова) и проиграв на VIII партийном съезде борьбу за власть, организационно сплотились вокруг промышленных предприятий и, используя недовольство рабочих советской властью, вполне могли выступить против ЦК и Политбюро, заставила Ленина и Троцкого на IX съезде действовать заодно. Но дабы быть уверенным в поддержке своего союзника, Ленин добился упоминания в резолюции съезда о том, что после выполнения своей задачи «Главполитпуть и его органы на местах должны быть в возможно короткий срок включены, с одной стороны, в профессиональную организацию ж.-д. пролетариата, с другой стороны — в нормальные учреждения Наркомпути»⁶². Понимая всю важность полученного поста, Троцкий заверил делегатов IX съезда, что Главполитпуть является временным органом и будет подчиняться ЦК РКП(б), хотя в последнее он вряд ли верил. Напротив, ему удалось создать мощный политический центр, напоминавший Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза (Викжель), действия которого, в условиях разброда и шатания в большевистских рядах, едва не привели к отстранению ленинцев от власти в 1917 г. Считаясь «вождём Красной армии» (хотя реально руководить ею он мог только вместе с лидером Политбюро и председателем Совета обороны Лениным, имевшим решающее влияние на большинство членов РВСР), Троцкий превращался ещё и в своего рода железнодорожного диктатора.

Тогда же Ленин фактически скомпрометировал руководителя Секретариата ЦК. Крестинский не принадлежал к числу партийных теоретиков, да и опыта публичных выступлений у него было немного. Между тем именно ему при отсутствии официальных тезисов ЦК (что указывало делегатам на уязвимость его позиций) «доверили» доклад о кооперации, вместо которого, по ироничному замечанию заместителя председателя ВСНХ В.П. Милютина, секретарь ЦК мог «просто написать: “Товарищи коммунисты, идите в кооперацию”»⁶³. Крестинский выглядел бледно, апеллировал к авторитету Ленина и в случае нелояльности теперь мог быть легко выведен на первом пленуме ЦК нового созыва из Секретариата и Оргбюро как дискредитировавший себя в роли докладчика⁶⁴.

⁶¹ Там же. С. 167.

⁶² Там же. С. 414.

⁶³ Там же. С. 379.

⁶⁴ Там же.

После съезда, выиграв время для подготовки к новой баталии, Ленин обратил внимание Оргбюро на старых большевиков, считавших себя «солью» партии и пытавшихся во ВЦИК и его Президиуме, в губернских комитетах и местных советах противодействовать концентрации власти в Политбюро. Крестинский учёл критику Секретариата на VIII и IX съездах и начал перетряску партийного нобилитета, пресекая, в частности, развернувшуюся в губерниях борьбу «групп работников за влияние»⁶⁵. Однако в условиях всеобщей разрухи и недовольства уцелевших в годы Гражданской войны пролетариев «собственной» партией последствия многочисленных кадровых перестановок оказались самыми неблагоприятными. По свидетельству Коллонтай, «глубоко по низам шла своя работа накопления опыта и критической мысли»⁶⁶. Брожение в «низах» и активизация представлявшей их Рабочей оппозиции тактически только ослабили профсоюзных лидеров, поскольку заставили руководящее ядро партии сплотиться перед угрозой «снизу». Как установили исследователи, «различные взгляды, обозначившиеся на IX съезде РКП(б), на вопрос о путях развития профдвижения, стали прообразами будущих платформ, которые сложились в ходе дискуссии о профсоюзах 1920–1921 годов»⁶⁷. Проанализировав объединённую платформу Троцкого и Бухарина, Г.В. Ходаков сделал вывод «о стремлении её авторов к компромиссу» с ленинской «Платформой десяти». Никаких принципиальных, программных, расхождений у Троцкого и Бухарина с Лениным не было: они также не признавали профсоюзы «самостоятельными и самоценными участниками экономической и политической жизни»⁶⁸. Изучив требования Рабочей оппозиции, Т.А. Санду констатировала, что даже партийные радикалы «не ставили под сомнение необходимость большевистской гегемонии в Советской России и не предполагали передать управление экономикой беспартийной массе, в чём её обвиняли ленинцы и “троцкисты”, а вслед за ними и современные исследователи, например, Н. Верт, не говоря уже о советской историографии»⁶⁹.

В целом, к X съезду РКП(б) дискуссия, вопреки убеждению Коллонтай, оставалась «профсоюзной» только по «этикетке», поскольку в действительности речь шла прежде всего о реальном допуске к руководству в партии различных её слоёв, о ликвидации секретариатской системы «ссылок» и «перетрясок» работников местных организаций РКП(б), которые нередко воспринимались как издевательство над партийцами и здравым смыслом. Однако ни один большевик не сомневался в том, что во главе советской политической системы может находиться лишь Коммунистическая партия, являющаяся авангардом рабочего класса. И Ленин имел все основания характеризовать дискуссию как «совершенно непозволительную» «роскошь» изучения «оттенков мнений», отвлекающую внимание товарищей «от насущного и грозного» экономического кризиса⁷⁰.

Очевидно, второй этап дискуссии благополучно заглох бы, как и первый, если бы Ленин не решил воспользоваться «профсоюзной этикеткой» для того, чтобы нанести удар железнодорожному диктатору, сделавшему своё дело и ук-

⁶⁵ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчёт. С. 45.

⁶⁶ Коллонтай А.М. Указ. соч. С. 170–171.

⁶⁷ Ходаков Г.В. Дискуссия в РКП(б) о профсоюзах (1920–1922 гг.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1992. С. 13.

⁶⁸ Там же. С. 15.

⁶⁹ Санду Т.А. «Рабочая оппозиция» в РКП(б) (1919–1923 гг.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2006. С. 18.

⁷⁰ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчёт. С. 27.

репившему свои позиции гораздо сильнее, чем можно было ожидать. Предоставив Троцкому Главполитпуть, Ленин поставил его в опасное положение между Крестинским и Томским, рассчитывая, что строптивый и высокомерный Лев Давидович рассорится и с тем, и с другим. Ведь в 1919–1920 гг. Троцкий резко критиковал работу Оргбюро и ВЦСПС. Однако тут лидер Политбюро допустил серьёзный просчёт: Крестинский, напротив, начал сближаться с председателем РВСР. В сентябре 1920 г. именно решением Оргбюро Всероссийский союз работников железнодорожного транспорта и Всероссийский союз работников водного транспорта были слиты в единый Союз транспортных рабочих, ставший самым крупным и влиятельным в Советской России. Во главе его стоял Центральный комитет Союза транспортных рабочих (Цектран) из функционеров Главполитпути и образованного в апреле 1920 г. Главполитвода. ВЦСПС в Цектране «дальше порога не пускали», однако Оргбюро и Секретариату Троцкий создал полигонные условия для кадровых назначений и перестановок⁷¹. По хлесткому замечанию Г.Л. Олеха, работа Цектрана стала «синонимом махрового бюрократизма»⁷².

Среди документов, с которыми большевистская верхушка знакомилась в ходе дискуссии, особо выделяется «Проект тезисов о задачах профсоюза группы активных работников Моск[овского] узла (под углом зрения опыта железнодорожного союза)». Со знанием дела железнодорожники утверждали: «Было бы чрезвычайной ошибкой исходить в настоящее время из необходимости скорейшего огосударствления союзов во что бы то ни стало путём сращивания органов с производством, т.е. сверху... Для создания жизнеспособных к немедленному управлению органов союза явится необходимость использования широкого метода “назначенства” в органы союза, установления постоянной практики перебросок активных профессиональных работников с одного места на другое, ограничения до минимума принципа выборности, не гарантирующего при существующих условиях выдвижения безусловно способных к управлению работников, и т.п. Вместе с тем возникнет безусловная необходимость широкого использования органов союзов в репрессивных мер[ах] воздействия на широкие массы, в интересах подчинения управляющей деятельности органов союза сокращение методов агитационно-пропагандистской работы, неуместной в обстановке управляющей боевой деятельности». Характерно, что именно такие выводы делались из практического опыта Троцкого в Цектране⁷³. Помимо Троцкого, названного по имени, авторы проекта критиковали кадровую политику Оргбюро, Секретариата и персонально Крестинского, выдвигавших на важные посты совершенно невежественных сотрудников⁷⁴. Точно так же и в ходе военной дискуссии второй половины 1918 – начала 1919 г. Юренева обвиняли в назначении военными комиссарами «мальчишек», заведомо неспособных контролировать бывших офицеров⁷⁵.

8 ноября 1920 г. на заседании Коммунистической фракции V Всероссийской конференции профсоюзов Ленин поддержал председателя Президиума ВЦСПС Томского против Троцкого, однако за того заступились Рыков (возглавляемый им ВСНХ часто конфликтовал с ВЦСПС), функционер Цектрана

⁷¹ Павлюченков С.А. Указ. соч. С. 39–40.

⁷² Олех Г.Л. Указ. соч. С. 10.

⁷³ РГАСПИ, ф. 324, оп. 2, д. 28, л. 1.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. М., 1947. С. 190.

А.А. Андреев и Крестинский⁷⁶. В результате, «в связи с перспективой победы над Врангелем и возможностью для партии, советских организаций и профсоюзов перенести центр тяжести [на] борьбу с разрухой», конференция (свыше 200 голосов при 13 воздержавшихся) заявила, что «и для Цектрана время специфических методов управления (во имя которых был создан Главполитпуть), вызванных особыми условиями, начинает проходить и потому рекомендует Цектрону усилить и развить нормальные методы пролетарской демократии внутри союза, что уже поставлено на очередь самим Цектронам»⁷⁷. Кроме того, фракция признала необходимым уравнивание прав Цектрона и других профсоюзных объединений и откомандирование его работников в распоряжение ВЦСПС для последующего распределения по другим профсоюзам. Была даже образована комиссия под председательством Зиновьева «с участием профессионалистов для выработки подробной инструкции для всех профсоюзов». В её состав включили Я.Э. Рудзутака, Томского, Троцкого, а от Коммунистической фракции V Всероссийской конференции профсоюзов – Андреева, Лутовинава, Лозовского и Шляпникова⁷⁸. На проходившем 8–9 ноября 1920 г. пленуме ЦК РКП(б) Ленин и Зиновьев включили эти предложения фракции в проект резолюции ЦК⁷⁹. Тем самым они попытались одним ударом покончить с «особостью» железнодорожного профсоюза и окончательно столкнуть Троцкого с Томским, у которого он фактически оказывался в подчинении. Троцкий сразу всё понял, но наотрез отказался от работы в комиссии, созданной постановлением пленума. Это было вопиющим нарушением давней традиции, согласно которой острые разногласия первоначально пытались сгладить в комиссиях⁸⁰.

7 декабря 1920 г., воспользовавшись конфликтом между коммунистами-водниками и коммунистической фракцией совещания Цектрона, Ленин провёл в ЦК РКП(б) резолюцию, согласно которой для «оживления самостоятельности» профсоюзной организации на февраль 1921 г. назначались настоящие выборы в Цектран, а Главполитвод и Главполитпуть подлежали «немедленному» упразднению «с передачей всех их сил и средств профес[сиональной] организации на началах нормального демократизма». Крестинскому, и без того дискредитированному, пришлось как секретарю ЦК рассылать эту резолюцию⁸¹.

Таким образом, дискуссия вошла в совершенно иное русло. Впоследствии, в январе 1924 г. Радек заявил на пленуме ЦК: «Только после многих месяцев вся партия спохватилась, что, дискутируя о сращивании профсоюзов с хозорганами, она на деле дискутировала о том, можем ли мы дальше проводить политику военного коммунизма»⁸². В 1925 г. Зиновьев, рассуждая на XIV съезде РКП(б) – ВКП(б) о судьбе мировой революции, утверждал: «У нас часто бывало так – мы спорим по вопросу о профсоюзах, о сращивании их с государством, на деле оказалось, что спорили мы о нэпе, что спорили мы о том, каковы должны быть вза-

⁷⁶ Павлюченков С.А. Указ. соч. С. 42.

⁷⁷ РГАСПИ, ф. 324, оп. 2, д. 28, л. 2 об.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, д. 15, л. 18.

⁸⁰ Майский И.М. Воспоминания советского посла: Кн. 1. М., 1964. С. 347. Это позволило впоследствии советским историкам обвинить председателя РВСП в развязывании дискуссии на грани раскола (см., например: Андерсон М.Ф. Дискуссия о профсоюзах // Большая Советская энциклопедия. Изд. 3. Т. 8. М., 1972. С. 300).

⁸¹ РГАСПИ, ф. 324, оп. 2, д. 28, л. 2 об.

⁸² РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. М., 2004. С. 403.

имоотношения пролетариата и крестьянства»⁸³. Обобщая эти признания вождей, советские историки считали, что «разногласия по вопросу о роли профсоюзов явились на деле разногласиями по вопросу об основах политики партии в период мирного строительства, об отношении партии к крестьянству и беспартийной массе вообще, о методах вовлечения трудящихся в строительство социализма»⁸⁴. Впрочем, ни Радек, ни Зиновьев, скорее всего, не кривили душой: просто ко времени окончания затянувшейся дискуссии многие уже не могли вспомнить, с чего она, собственно, началась. В ходе полемики Ленина с Троцким на первый план вышла проблема милитаризации профсоюзов, вопрос о компетенции Оргбюро отошёл на второй план, а принципиальный спор о месте профессиональных организаций рабочих в советской политической системе – на третий.

9 декабря 1920 г. Троцкий был вынужден оставить пост наркома путей сообщения, однако продолжал опираться на персональный состав Цектрона⁸⁵, который, будучи органом партийно-государственным, политически значил неизмеримо больше, чем Наркомат путей сообщения. 24 декабря Троцкому всё же удалось расколоть ЦК РКП(б): «единогласно» была принята резолюция, представлявшая «всем цекистам... свободу выступать от своего имени перед партией». Как отмечали Ленин и Зиновьев, «в подобном постановлении не было до сих пор надобности ни перед одним съездом партии»⁸⁶. На следующий же день Троцкий написал предисловие к достаточно оперативно напечатанной брошюре «Роль и задачи профсоюзов», в котором, по словам Ленина и Зиновьева, «объявил от своего лично имени и от имени группы своих единомышленников, что съезду партии придётся выбирать между двумя тенденциями», поставив тем самым РКП(б) «перед лицом начала фракционной группировки, а равно перед необходимостью выбирать на партсъезды по платформам»⁸⁷.

Одновременно с наступлением на Троцкого Ленин подверг критике Оргбюро ЦК и персонально Крестинского, вызвав для этого из Петрограда Зиновьева. С удвоенной энергией выдающийся большевистский «литератор» взялся громить ленинских оппонентов, среди которых оказалась бóльшая часть ЦК во главе с Крестинским. 30 декабря 1920 г. на проходившем в Большом театре объединённом заседании делегатов VIII Всероссийского съезда Советов, ВЦСПС и МГСПС – членов РКП(б) он в полемическом задоре восклицал: «Мы не допустим, чтобы над профессиональным движением, которое объединяет 7 млн рабочих, производилась кухонная стряпня даже из того авторитетного учреждения, которое именуется Оргбюро Центрального комитета»⁸⁸. Старые большевики, как, например, Д.Б. Рязанов, услышали в зиновьевской фразе другое, ещё более крамольное, заявление: «Мы не позволим какому-нибудь Оргбюро распоряжаться партией»⁸⁹.

⁸³ XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925 г. Стенографический отчёт. С. 101. В этом его поддержал Бухарин (Там же. С. 133).

⁸⁴ Андерсон М.Ф. Указ. соч. С. 300.

⁸⁵ Носач В.И. Профсоюзы России... С. 136.

⁸⁶ РГАСПИ, ф. 324, оп. 2, д. 15, л. 19.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчёт. М., 1933. С. 108.

⁸⁹ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчёт. М., 1963. С. 88. См. также: Павлюченков С.А. Указ. соч. С. 47. Но хотя ни Зиновьев, ни представители Рабочей оппозиции в выражениях не стеснялись, понятием «секретарский бюрократизм» большевики тогда ещё не пользовались, для этого партаппарат должен был возглавить Сталин (Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г. Стенографический отчёт. С. 106).

Крестинский не остался в долгу и, сыграв на самолюбии членов ЦК, отнюдь не желавших ставить под сомнение собственный авторитет, тут же перешёл в контрнаступление на пленуме ЦК РКП(б), в Оргбюро и, для ознакомления более широких слоёв, в Коммунистической фракции VIII съезда Советов. 1 января 1921 г. на заседании Оргбюро в присутствии восьми членов ЦК было принято его предложение «о том, чтобы в отчёте о дискуссии во фракции 8-го съезда Советов по профессиональному вопросу в дополнение (или примечание) к заключительному слову т. Зиновьева, содержащему выпады против Оргбюро ЦК, было помещено постановление пленума [ЦК] от 30/XII-[19]20 г. по вопросу об его отношении к Оргбюро»⁹⁰. Устроив разнос руководителю Секретариата ЦК, Зиновьев явно хватил через край: его выступление хорошо запомнили товарищи по партии. И старый профсоюзный работник Рязанов, и децист Р.Б. Рафаил отмечали, что отредактированные Сталиным сводки с партийного «фронта» — письма Зиновьева о «захвате власти» Троцким и об уходе ленинцев «в подполье» лишь накалили и без того тяжёлую атмосферу⁹¹. «Раскол» в ЦК совпал с ростом массового недовольства среди рядовых коммунистов, ничего не получивших от участия в Гражданской войне и возмущавшихся кадровой политикой руководства, на предприятиях активизировались меньшевики, укреплявшие свой авторитет критикой большевистской власти⁹². В этой обстановке Ленину необходимо было покончить с оппозицией как можно скорее.

Уже в январе 1921 г. Ленин и Зиновьев, осознавая, насколько тяжёлая борьба предстоит на X съезде РКП(б), составили проект резолюции ЦК, в котором содержался пункт о том, что «всякие попытки внести в обсуждение спорных вопросов элемент склоки, взаимной травли, или полемики, подрывающей *абсолютно необходимое единство партии*, должны встречать решительный отпор»⁹³. Не ранее 11 февраля Зиновьев под ленинским руководством подготовил проект постановления ЦК о направлении Профсоюзной дискуссии, напоминая товарищам: «ЦК выражает безусловную уверенность, что все члены партии, руководясь принципом демократического централизма и Уставом РКП, сохранят нерушимым единство партии и добьются строгого подчинения меньшинства большинству при охране прав меньшинства на представительство его точки зрения на партсъезде»⁹⁴.

В разгар подавления Кронштадтского мятежа, 8 марта 1921 г., в Москве открылся X съезд РКП(б), который подвёл итог Профсоюзной дискуссии. При голосовании ленинскую «Платформу десяти» поддержали 336 делегатов, Троцкого — 50, Рабочую оппозицию — 18, двое воздержались. Съезд принял резолюцию «О роли и задачах профсоюзов», в которой, по словам В.И. Носача, отверг «как троцкистские идеи “завинчивания гаек” и “перетряхивания профсоюзов”, так и анархо-синдикалистские идеи Рабочей оппозиции»⁹⁵. Тогда же Ленин навязал съезду резолюции «О синдикалистском и анархическом уклоне в нашей партии» (*исключительно* против Рабочей оппозиции) и «О единстве партии», чтобы никто более не смел отвлекать его изматывающими послесъездовскими дебатами от повседневных забот, связанных с социалистическим

⁹⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 108, л. 10.

⁹¹ Десятый съезд РКП(б): Март 1921 г. Стенографический отчёт. С. 98.

⁹² См.: Яров С.В. Пролетарий как политик. СПб., 1999. С. 146.

⁹³ РГАСПИ, ф. 324, оп. 2, д. 15, л. 21.

⁹⁴ Там же, л. 20.

⁹⁵ Носач В.И. Профсоюзы России... С. 142.

строительством⁹⁶. Основополагающий для ленинской партии принцип «демократического централизма» получил новое выражение, сводившее роль съезда как верховного партийного органа к определению персонального состава ЦК. Более того, в резолюции допускалась возможность вывода из состава ЦК по решению, принятому на совместном заседании ЦК и ЦКК РКП(б). Это настолько противоречило нормам устава и умаляло значение съезда, что Ленин даже не решился опубликовать текст резолюции целиком: её седьмой пункт предали гласности уже после смерти вождя – на XIII съезде в 1924 г.⁹⁷

Прибывшие с мест делегаты, не без закулисного ленинского одобрения, поквитались за кадровые перетряски с Крестинским, а заодно и с его товарищами по Секретариату Л.П. Серебряковым и Преображенским, не переизбрав их в ЦК. Оглашая результаты выборов, Н.А. Скрипник не преминул назвать точное число голосов, набранных Крестинским и Серебряковым, – 161 и 111 соответственно, тогда как последним по списку в ЦК прошёл Ф.А. Артём (Сергеев) с 283 голосами.

В отличие от Крестинского, Томский не только удержался в ЦК РКП(б), но и стал третьим на выборах после Ленина и Радека (для сравнения, Сталин был избран шестым, Троцкий – десятым, Бухарин – двенадцатым; Зиновьев – восемнадцатым, а деятели Рабочей оппозиции – председатель ЦК союза текстильщиков И.И. Кутузов и Шляпников – двадцать вторым и двадцать третьим)⁹⁸. Но вскоре и Томского ожидало полное политическое фиаско. На состоявшемся 17–25 мая 1921 г. IV Всероссийском съезде профсоюзов после прений по отчётному докладу ВЦСПС коммунистическая фракция приняла не ту резолюцию, которую подготовили в ЦК РКП(б), а альтернативную, предложенную Рязановым, – с критикой диктата партийных органов и другими положениями, не разделяемыми Лениным⁹⁹. «На IV съезде профсоюзов, очень скоро после кронштадтских событий, – вспоминал А.А. Сольц в 1922 г., – в [присутствии] более 1 500 членов партии, [у которых] было чрезвычайно демобилизационное настроение, желание как-нибудь снять с себя чувство необходимости строгой дисциплины и т.д., когда это настроение господствовало, когда нужно было ответственному товарищу выступить и указать на необходимость дальнейшего дисциплинированного выступления партии, – Рязанов выступил так, как он всегда выступает, и неожиданно для себя самого, – этого он не хотел, как он сам говорил, – получил для своей резолюции большинство. Он сам растерялся, он этого, как он сам признавался, не хотел; хотел только выругаться, отругаться, а получилось совсем иное»¹⁰⁰. «Старого профсоюзного волка», как выяс-

⁹⁶ Ещё 16 марта 1920 г., выступая с речью на заседании памяти Свердлова, он говорил: «Если в деятельности военной, которая в течение двух лет ставилась у нас и ходом событий не могла не ставиться на первое место, если в деятельности военной иногда ещё многое можно сделать порывом, энтузиазмом, коротким натиском, то в деятельности хозяйственно-строительской, преимущественно организаторской, ничего нельзя сделать одним порывом, натиском, энтузиазмом, и самая длительная, на годы рассчитанная организаторская работа, только она способна привести нас здесь (большевиков в Советской России. – С.В.) к настоящей победе» (РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 13295, л. 7). В Полном собрании сочинений вместо направленной стенограммы опубликовали краткий газетный отчёт: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 40. С. 225.

⁹⁷ Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г. Стенографический отчёт. С. 776; XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925 г. Стенографический отчёт. С. 607–608.

⁹⁸ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчёт. С. 402.

⁹⁹ Подробнее см.: *Носач В.И.* Профессиональные союзы России... С. 300–301.

¹⁰⁰ Одиннадцатый съезд РКП(б). Март–апрель 1922 г. Стенографический отчёт. С. 215.

нилось позднее, поддержал Томский, который, передавая члену Президиума ВЦСПС А.И. Гинзбургу проект резолюции, составленный в ЦК РКП(б), утверждал, что в нём отражена лишь позиция Зиновьева, поддержанная петроградской делегацией. Кроме того, на заседании фракции делегаты-большевики узнали о том, что члены бюро Коммунистической фракции ВЦСПС, вопреки мнению Политбюро, включили в список докладчиков на съезде бывших сторонников Троцкого и Рабочей оппозиции. Ленин охарактеризовал поведение Томского как измену, провёл в ЦК решение о его снятии с поста председателя ВЦСПС и направлении в Туркестан, служивший местом партийной ссылки для провинившихся большевиков. Вместе с тем ЦК запретил Рязанову заниматься профсоюзной работой и за одно только непротивление его речи вынес порицание трём своим членам, присутствовавшим на заседании фракции – Артёму (Сергееву), Шляпникову и Кутузову. Ленин, лично явившись на профсоюзный съезд, настоял на повторном обсуждении резолюции, после чего большинство всё-таки утвердило проект ЦК РКП(б)¹⁰¹. Если бы Крестинский оставался в ЦК и у руля Оргбюро, он мог бы торжествовать: события весны 1921 г. фактически подтвердили его опасения конца 1919 г.

Осложнение и без того непростых взаимоотношений в узкой группе большевистских вождей дало о себе знать и в ходе борьбы за единоличную власть в партии, которая развернулась в 1923–1925 гг. между Сталиным и Зиновьевым. Ненадолго объединившись во второй половине 1922 г. для противостояния тяжело болевшему Ленину и его соратникам по Совнаркому, с лета 1923 г. они лишь поддерживали иллюзию единства в условиях активизации действий «троцкистов» из бывших левых коммунистов и децистов, а затем и самого Троцкого. Нападая в конце 1920 – начале 1921 г. на Оргбюро и противопоставляя себя ЦК, Зиновьев серьёзно осложнил свои взаимоотношения с товарищами по высшему партийному руководству. К примеру, так и не смог забыть тональность его выступлений во время Профсоюзной дискуссии Томский, ставший к XIV съезду РКП(б) – ВКП(б) непримиримым, принципиальным и личным врагом Новой оппозиции и её вождя. Уже после их разгрома, 1 января 1926 г., когда Зиновьев попросил на первом пленуме ЦК ВКП(б) нового созыва об освобождении от обязанностей члена Политбюро и председателя Исполкома Коминтерна, Томский не без злорадства заявил: «Григорий, я напому тебе, что ты говорил тогда, когда меня из ВЦСПС сняли немножко более бурно, чем теперь создаётся положение, и после этого меня назначили председателем в Туркестан. Я тогда в первый раз в жизни подал в отставку, вообще отказался от ответственной работы, и совершенно искренне (настолько, что я даже предусматривал в своём заявлении мелочные детали), совершенно искренне, потому что это для меня было, пожалуй, потяжелее, чем для тебя. А ты мне тогда, Григорий, прочитал очень хорошую речь, которую я помню; но, к сожалению, Григорий не следует тем советам, которые даёт другим, и сам их забывает»¹⁰².

XI съезд РКП(б) закрепил руководящую роль партии в профессиональном движении, констатируя «ряд противоречий между различными задачами профсоюзов»: «С одной стороны, их главный метод действия – убеждение, воспитание, с другой – они не могут отказаться, как участники гос[ударственной] власти, и от участия в принуждении. С одной стороны, их главная задача –

¹⁰¹ Подробнее см.: Носач В.И. Профессиональные союзы России... С. 301–303.

¹⁰² РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 207, л. 89.

защита интересов трудящихся масс в самом непосредственном и ближайшем смысле слова. С другой – они не могут отказаться от нажима, как участники госвласти и строители всего нар[одного] хозяйства в целом. С одной стороны, они должны работать по-военному, ибо диктатура пролетариата есть самая ожесточённая, самая упорная, самая отчаянная война классов. С другой – именно к профсоюзам всего менее применимы специфически военные методы работы. С одной стороны, они должны уметь приспосабливаться к массе, к её данному уровню, с другой – они никоим образом не должны потакать предрассудкам и отсталости массы, а неуклонно поднимать её на уровень всё более и более высокий, и т.д., и т.д.». При этом признавалось, что «эти противоречия не случайны и не устранимы в течение ряда десятилетий»¹⁰³.

По итогам дискуссии 1919–1921 гг. профсоюзы заняли более чем скромное место в советской политической системе, а Ленин пресёк попытки старых большевиков из ВЦИК, губернских комитетов и местных советов противодействовать концентрации власти в высшем партийном руководстве. Важным следствием дискуссии стало необратимое ослабление обоих центров власти, противостоявших друг другу в конце 1919 – начале 1920 гг.: Коммунистической фракции ВЦСПС и Оргбюро ЦК РКП(б), которое после X съезда окончательно лишилось возможности соперничать в борьбе за влияние на управление партией и страной с Политбюро. Это, в свою очередь, привело к отстранению от реальной власти большинства членов ЦК: им осталось довольствоваться лишь голосованием на пленумах, которые тщательно готовил вождь (лично или через секретаря ЦК В.М. Молотова), а потом и генеральный секретарь ЦК. Одновременно были фактически развязаны руки Секретариату ЦК РКП(б) и его руководителям. 16 января 1919 г., сделав Бюро ЦК «Организационным», полномочия тогдашнего главы Секретариата Свердлова, ограничились, обязав его согласовывать назначения с несколькими товарищами по высшему руководству. Теперь Секретариат вернул позиции, принадлежавшие ему с лета 1918 и до начала 1919 г.

Постепенно в партии стали забывать, что прежде высшим органом между съездами являлись ЦК и Оргбюро как его сокращённый состав (не по Уставу РКП(б) 1919 г., но по Уставу РСДРП(б) 1917 г. и традиции, восходящей к Бюро ЦК конца 1917 г.), и таковым, вопреки Уставу, стало восприниматься Политбюро. Именно в результате Профсоюзной дискуссии сложилась система, предполагавшая существование двух партийных центров власти – Политбюро и Секретариата (не Оргбюро!). Поэтому и стало возможным появившееся 11 апреля 1922 г. постановление Секретариата ЦК РКП(б) «Об утверждении протоколов Секретариата Орг[анизационного] бюро»¹⁰⁴. В соответствии с ним «единогласные постановления Секретариата, не опротестованные в течение 24 часов к моменту вручения протокола заседания Секретариата ни одним из членов Оргбюро», следовало «считать постановлениями Оргбюро и как таковые сообщать организациям, учреждениям и лицам»¹⁰⁵. С.А. Павлюченков счёл данное решение своего рода «кабинетной революцией»¹⁰⁶, однако к тому времени никакой реальной власти у Оргбюро уже не осталось: все ключевые вопросы решались в Политбюро, а кадровые перешли к Секретариату.

¹⁰³ Одиннадцатый съезд РКП(б). Март–апрель 1922 г. С. 563–564.

¹⁰⁴ РГАСПИ. Повестки дня заседаний Оргбюро ЦК РКП(б). 1922 г., л. 94.

¹⁰⁵ Там же, ф. 50, оп. 1, д. 9, л. 12.

¹⁰⁶ Павлюченков С.А. Указ. соч. С. 175.